

Сергей Збырня

**Камни которые уже
не собрать. Часть
первая "На крючке"**

Сергей Збырня

**Камни которые уже не собрать.
Часть первая "На крючке"**

«Автор»

2026

Збырня С.

Камни которые уже не собрать. Часть первая "На крючке" /
С. Збырня — «Автор», 2026

Философская лирика, наполненная размышлениями о жизни, вере, любви, памяти и поиске внутреннего света. В этих стихах переплетаются суровая северная романтика, одиночество больших расстояний, боль утрат, надежда, раскаяние и вечное стремление человека сохранить в себе душу среди хаоса современного мира. Автор говорит с читателем искренне и без прикрас — о времени, которое невозможно остановить, о человеческой гордыне и прощении, о детстве, которое живёт в воспоминаниях, о смерти, вере и спасении. Здесь осенние парки и северные метели соседствуют с древними храмами, снами, дорогами, молитвами и тихими разговорами с самим собой. Эта книга — не просто сборник стихотворений, а попытка через поэзию прикоснуться к самым важным вопросам человеческого существования.

© Збырня С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Красная таблетка или...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Збырня

Камни которые уже не собрать.

Часть первая "На крючке"

Огни несбывшихся надежд

На старом погосте свеча восковая.

Сгорала тихонько секунды считая.

И пламя от этой скорбной свечи.

Медленно гасло в кромешной ночи.

Я шёл по тропинке вдоль старых могил.

Вдоль тех, над которыми ворон кружил.

Ускорив немного размеренный шаг.

Ведь я ещё тот, в этой жизни смельчак.

Мерцает в ночи огонёк словно манит.

Спасительным светом к себе словно тянет.

На лавочке возле оградки стальной.

Старушка сидит с деревянной клюкой.

Не прячась в тени, подошёл я поближе.

Увидел как ветер косынку колышет.

Она же, меня ни о чём не спросила.

Лишь жестом на лавочку сесть пригласила.

Она не рыдала, не билась в тоске.

Поправила ленты на скорбном венке.

Рука ее гладила камень сырой.

А губы шептались с ночной тишиной.

Я молча присел на скамеечку с краю.

Не зная что молвить, не знал кто такая.

Мы встретились с ней не для громких речей.

Всё сказано пламенем скорбных свечей.

Но вдруг незнакомка медленно встала.

На клюшку свою оперлась и сказала:

"Сынок, — прошептала, — спасибо, что здесь,
что не побоялся рядом присесть.

Я каждую ночь к ней сюда прихожу.

Огонечек в ладонях от ветра держу».

Потом поклонилась до самой земли.

И, что-то в моей защемило в груди.

Она не прощаясь тихонько ушла.

А я всё сидел, догорала свеча.

И понял я вдруг, что ни скрежет, ни стон,

Не слышатся громче, чем этот поклон.

Что вечность не в камне, не в надписях старых.

А в этих живых, хоть и призрачно-малых.

Огнях что живут среди тьмы и крестов.

Среди пустоты и несказанных слов.

Молитесь и верьте без тени сомнений.

В молитве спасенье от вечных мучений.

Гордыня твоя, вот истинный грех.

Спасение есть, но оно не для всех.

Реквием для мечты. Часть вторая. Лирическая

Я неспешною походкой

Шёл вдоль улиц городских.

Город нежился в закате

И немного подутых.

Не спеша катил трамвайчик

Вдоль булыжной мостовой.

Старенький, покрашен плохо,

Он давно ровесник мой.

Я плутал вдоль тихих улиц,

Шёл без цели, в никуда.
Вспоминал друзей почивших,
Лица их и имена.
Утекло воды немало
С тех беспечно юных лет.
Совесть мучить перестала,
В памяти стирая след.
Шёл и просто наслаждался
Неизвестностью пути.
Мне не нужно было думать,
Где свернуть, чтобы пройти.
Старенький трамвайчик снова
Развернулся на кольце.
И теперь, стуча платформой,
Катится навстречу мне.
Прохожу вдоль тротуара,
Огибаю угол дома.
Дворик с лавкой у парадной —
Всё до боли здесь знакомо.
Нет, я не был здесь однажды,
Не случайно, не специально.
Просто дежавю такое —
Мимолётно, моментально.
В памяти мелькнёт как вспышка,
Чтоб угаснуть навсегда.

Я об этом не жалею
И не вспомню никогда.
Шагаю дальше вдоль домов,
Любуюсь роскошью витрин.
Их блеск холодного стекла
Прельщает женщин и мужчин.
Но я входить туда не стану,
Мой путь сегодня не сюда.
Шагаю я из ниоткуда,
Но непременно в никуда.
И вы, конечно, удивитесь
Такому странному пути.
Я не смогу вам объяснить,
Зачем хочу его пройти.
И это не из-за гордыни.
Я вам сказал бы, если б знал.
Не важно, что там впереди —
Я просто вдоль домов шагал.
Вот так и шёл вдоль серых стен,
Вдоль блеска вычурных витрин,
Пока мне путь не преградил
Забор из старых древесин.
Корявый старенький забор,
Со щелями из гнилых досок,
Поставлен здесь, чтоб охранять

Людей от скорби и тревог.
Не спрашивай меня, что там

За этой старенькой доской.

Уверен, ты всё понял сам —

Там вечный холод и покой.
Забор, как грозный часовой,

Стоит на страже двух миров.

Оберегает жизнь и смерть

От любопытных дураков.
Ещё немного постояв,

Сказал себе: «Ну что ж, ну ладно».

И, затянувшись едким дымом,

Побрёл в гостиницу обратно.

Паломник Млечного Пути

Млечный Путь рассыпал звёзды, пролетая над вселенной,

В бархатной пучине ночи, бесконечности мгновенной.

И горят его осколки серебристою пылью,

Освещающий одинокий путь под Северной звездой.

Тишина накрыла землю, прикоснулась к тростникам,
И в пруду, как в чаше тёмной, появился древний храм.
Только ветер запоздалый шепчет листьям, как немой,
О былых мольбах и просьбах, унесённых той водой.
Я прислушивался чутко, закрывал рукой глаза,
Слышал, как в тиши бездонной обрываются слова.
Как молитвы, прорываясь из крошечной глубины,
Растворяются в тумане над поверхностью воды.
Древний храм лишь ненадолго, в свете сказочной луны,
Появляется, как призрак, из нетленной глубины.
На века сокрыт водою от молитв и глаз людских,
Слышен лишь приливный шёпот в лабиринтах стен святых.
Там, где воды смыли лики, спят святые в глубине,
И хрустальное распятие серебрится при луне.
Под водою — древний храм. Может быть, по воле рока
Поднялась тогда вода под всевидящее око.
Колокол, что пел когда-то, замолчал, как будто спит,
Светлый лик и взгляд распятый в глубине уже не зрит.
В лунном свете, в час ночной, сквозь туман и тьму забвения,
Свет от восковых свечей — отзвук вечного моленья.
Под водою древний храм спрятан от людей до срока.
Спрятаны осколки веры от Содома и порока.
Зачарованно смотрю — светом купол озаряет,
Льётся свет из глубины, страха и преград не знает.
И купол, уходя на дно, не исчезает в мгле сырой.

Преображается она небесной новой глубиной.
И рыбы, словно ангелы, в проёмах окон проплывают
И в зареве подводной мглы за нас молитвы повторяют.
Я на колени опускаюсь, в ладони воду наберу,
Омою руки и лицо и в путь обратный побреду.
Я не случайно шёл сюда, искал, страдал — и вот я здесь,
Чтобы, вернувшись, рассказать: «Возрадуйтесь — спасение есть».
Я долго вспоминал свой путь, людей, что хлебом поделились,
И понимал: не в этом суть — чтоб все твои мечтанья сбылись.
А в том, чтобы в суровый час уметь простым добром делиться,
И чтобы люди на Земле по-прежнему могли молиться.
Чтобы забыли скверность слов, дела, что Богу не угодны,
Стряхнули с одежды пыль веков и стали, как храмы, благородны.
Благи намерения мои, да только вот давно известно,
Покрыты чем дороги в ад. И выбор свой я сделал честно.
Я долго так стоял в раздумьях, внимая шёпоту воды.
Но, уходя от храма прочь, я за собой замёл следы.
И я молчание избрал, не стал тревожить тайну эту.
Не каждый, кто дорогу ищет, идёт действительно ко свету.
Я понял: храм сокрыт не зря в глубинах чёрных, под водою.
Святое место не потерпит людской гордыни за собою.
Туда не нужно звать толпу, вести за руку любопытных.
Где ищут чудо для тщеславия —там исчезает голос истин.
Пушай покоится во мгле под звон течений и столетий,
где вместо свеч мерцают звёзды и молятся за нас рассветы.

Я никому не назову ни путь, ни берег, ни дорогу.

Лишь иногда смотрю на север и молча обращаюсь к Богу.

И если кто-нибудь однажды в тоске, отчаянье и боли

придёт туда не за ответом, а с чистым сердцем поневоле —

тогда, быть может, гладь ночная дрогнет серебряной волной,

и древний храм восстанет тихо перед заблудшею душой.

Танец тёмных желаний

Девочка в платице белом, как снег,
Вальс танцевала в моём дивном сне.
Где-то чуть слышно звучал контрабас,
Девочка двигалась: раз, два, три, раз.
Вокруг темнота и лишь света пятно,

Вальсируя, двигалась с ней заодно.
И кто-то незримый в этом пятне,

Подставив плечо, вальсировал с ней.

И этот незримый всё чувствовал тоже:

И взгляд её нежный, и запах от кожи.
Странная пара кружилась в пятне,

Я рядом летал в этом сказочном сне.

Но вдруг её руки стали слабеть,

И девочка стала быстро бледнеть.
А этот, что с ней танцевал заодно,

Стал впитывать жёлтого света пятно.

Она же всё делала наоборот

И становилась прозрачной, как лёд.
Менялся цвет кожи, менялся цвет глаз,

Но девочка двигалась: раз, два, три, раз.

Я в панике крикнул: «Очнитесь, мадам!»

Но платице падает к жёлтым ногам.
И вот уже тот, кто в жёлтом пятне,

Свои липкие руки тянет ко мне.

С ухмылкой недоброй прищуривал глаз

И ловко вальсировал: раз, два, три, раз.
И я, наблюдая за тенью и светом,

В душе восхищаюсь этим сюжетом.

Мой страх понемногу покинул меня,

И в мыслях покой, и в душе тишина.
Мелодия вальса вокруг пустоты

Незримо струилась среди темноты.

Она окружала, ласкала мой слух

И словно звучала для нас лишь, для двух.
А тот, кто в жёлтом пятне танцевал,

Становился невидим и вскоре пропал.

И вот уже я, словно в сказочном сне,

Одинок танцую в жёлтом пятне.
Всё так же тихонько звучит контрабас,

Я плавно вальсирую: раз, два, три, раз.

Обретение

Всё получилось неслучайно.

Я оказался на краю,

Размазан и растерзан в клочья

Своею же гордынею.

Вина давила тяжким грузом,

Сплетая дни в сплошную мглу.

И страх мне впрыскивала в вену

Через тончайшую иглу.

Я в эту пропасть не сорвался

Лишь потому, что ангел мой,

Не сомневаясь ни секунды,

Стоял незыблемой стеной.

Уже прошло немало лет,

И время рану залечило.

И то, что рвало на куски,

Потом меня же исцелило.

В душе истлел гордыни след,

В моих поступках — только твёрдость.

И я, пройдя сквозь страх и боль,

Гордыню заменил на гордость.

Но если ты ещё не знаешь,

В чём разница таких понятий,

Я объяснять тебе не стану

Картину мировосприятий.

Но если есть ещё на свете

То, что способно нас спасти,

Хочу с тобою это встретить,

С тобою вечность обрести.

И, может быть, собрав все силы,

Всю боль, весь гнев в один кулак,

Не сомневаясь ни секунды,

Как в первый раз — за шагом шаг.

И пусть дорога будет долгой,

Пусть снова тьма встаёт стеной,

Я научился не сдаваться

И оставаться лишь собой.

Не прятать взгляд, не лгать из страха,

Не падать ниц перед толпой,

И даже в мире сумасшедшем

Хранить в себе огонь живой.

Я слишком многое утратил,

Чтоб вновь беспечно жить, как все.

Но среди пепла и руин
Сумел не дать истлеть душе.
И если вдруг наступит время,
Когда погаснет свет вдали,
Я просто вспомню твои руки,
Что удержали от земли.
И, может быть, в последнем шаге,
У самой бездны на краю,
Я наконец-то без остатка
Пойму, зачем ещё живу.

Эффект бабочки

Когда мечтаешь громко вслух,

Слова записывает вечность.

Она в них раскрывает суть

И отправляет в бесконечность.

Они летят сквозь тьму веков,
Пронзая время и пространство,
И заполняют пустоту,
Меняя хаос в постоянство.
Сплетая звук со светом звёзд
В пыли космических туманов,
Рождая мелкие миры
И титанических титанов.
Слова — не просто жалкий звук,
Они — кирпичики Вселенной.
Её незыблемая суть
В чертогах вечности мгновенной.
Не все слова нести способны
Чудесный замысел Творца.
И если сказаны во гневе,
Способны в клочья рвать сердца.
И если смысл мироздания
Возможно описать словами,
То почему же эти смыслы
Омыты кровью и слезами?
Быть может, потому что людям
дано не только созидать.
Мы учимся сквозь боль и пепел
любить, прощать и понимать.
И слово, брошенное в душу,

порой страшнее, чем клинок.

Оно способно стать спасеньем

или последним сделать вдох.

Но где-то там, за гранью смыслов,

где звёзды плавают тишину,

все наши мысли и молитвы

сплетают общую струну.

И вечность слушает неспешно

весь этот шёпот бытия:

кто нёс добро, кто сеял ненависть,

кто жил лишь только для себя.

Когда-нибудь затихнут войны,

рассыплется земная пыль,

останутся лишь свет и память,

и слов немеркнущая быль.

Поэтому мечтайте громче,

пока горит внутри звезда.

Возможно, чья-то тьма сегодня

Покинет душу навсегда.

Камни которые не собрать

Я очень спешил, но искренне верил

Что есть ещё время для зёрен и плевал.

Для встреч душевных, бесед откровенных.

Признаний в любви проникновенных.

Но, время безжалостно строгий попутчик

Воистину жить и прощаться научит.

И если не понял, урок повторится.

До боли в коленях придётся молиться.

И под образами хоть в Прадо, хоть в рубище.

О детях наших молитесь, о будущем.

Молитесь о душах во мраке блуждающих.

О душах людей покаяния не знающих.

И рад бы не знать, про ошибки забыть на век.

И от себя самого совершить побег.

И я забыть всё хочу. И я бы каяться рад.

Да на тропинках моих всё те же грабли лежат.

По воле чужой или собственной глупости.

Покидал отчий дом, ты за это меня прости.

А иначе во мраке жить, а во мраке дышать то как?

Не за морем синем. У околицы нашей враг.

И врагов своих всех простить хочу.

Видишь, крест целую, правда, не шучу.

И отправить всех ряженных к праотцам.

Пусть прощённые но, только где-нибудь там.

И сколько б ни шёл по дорогам разбитым,

С душою уставшей, тоскою избитой,

Я всё же надеюсь — сквозь копоть и беды

Нас кто-то ведёт к настоящим победам
.
Не к славе пустой и не к звонкой награде,
Не к правде, что выгодна только в параде,
А к тихому слову, к решениям новым,
К способностям в людях увидеть основы.

Камнепад

Я иногда не знаю, о чём хочу сказать,
И плохо понимаю, о чём теперь писать.
А память возвращает меня в небытие —
Туда, где мои чувства на самом острие.
Граничат с безрассудством поступки и дела,
И не совсем понятно, где красная черта.
И только когда сердце от боли пополам,
Внезапно понимаешь, что всё разрушил сам.
И боль, как нож из стали, срезает шоры с глаз.
И хоть кричи от злости — уже не в первый раз.
Намерения благие мостят дороги в ад,
И не свернуть, ни съехать, ни повернуть назад.
На тех дорогах — пепел несбывшихся надежд.
На тех дорогах — люди босые, без одежд.
Уверенно шагают с улыбкой на лице,
Не ведают блаженные о скором их конце.
И в пропасти бездонной, ведущей прямо в ад,
Раскинув руки в стороны, блаженные летят.
Не ведают сердечные, что этот их полёт

Удар о землю грешную безжалостно прервёт.

Потом тела бездушные оттащат на костры,

А души их мятежные отправятся в котлы.

В закоулках моей памяти

Я памяти листал страницы,

Читал, как книгу, моих дней.

Всплывали на страницах лица

Из жизни вырванных друзей.

Как больно сознавать, что с кем-то

Когда-то грубо поступил.

Не позвонил и не приехал,

И о проблемах не спросил.

Теперь ошибок не исправить,

Прошедших дней не вернуть.

А память мне на раны давит,

Не позволяя их забыть.

За всё, что сделал и не сделал,

За всё, что мог бы натворить,

И в покаяниях, и в молитвах

За всё прощение просить.

Красная таблетка или...

Да не хочу я опять сюда.

Да отпустите ж меня ради Бога.

Я мечтаю о райских садах,

А мне опять на Землю дорога.

И за что эта кара мне?

Но я знаю, это не вдруг.

И я снова на грешной Земле,

Начинаю порочный круг.

И я уснуть не могу ни как.

Но опять словно в страшном сне,

Блюдолизы разных мастей

Подбирались всё ближе ко мне.

А я мечтал, что скоро смогу

Дыша свободно, парить в облаках.

И в этой дивной счастливой стране,

Меня покинет удушливый страх.

А может нет этих дивных садов?

И ни кто меня там не ждёт.

И эта страшная мысль как яд,

Мою душу напалмом жжот.

И только светлый образ её,

И только светлая память о нём,

Возвращают надежду мне,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.